

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В. И. АБАЕВ

Н. Я. МАРР (1864—1934). К 25-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ *

Марр ... Без сомнения, если не самое знаменитое, то самое «шумное» имя в истории советской науки. Какие страсти кипели еще недавно вокруг этого имени! Какие бурные велись дебаты! Какие противоречивые высказывались суждения и оценки — от «гения» до «сумасшедшего»! Прошло уже 25 лет со дня смерти этого удивительного человека и поэтому следует вспомнить о нем: тем, кто его знал, сказать о нем для тех, кто его не знал.

Известно, что для исторически правильной оценки того или иного деятеля, будь то политик или поэт, ученый или художник, философ или путешественник, нужна перспектива времени. Кто бывал в горах, тот хорошо знает, что для того чтобы оценить их относительную высоту, надо отойти от них на почтительное расстояние. Вблизи все пропорции искажаются: захудалая горка может показаться грандиозной и подавляющей, а царственные вершины — посредственными и незначительными. Только когда смотришь с далекого расстояния, все становится на свое место — и горы-лигмей, и горы-гиганты. С людьми дело обстоит так же, как с горами. Только здесь помогает не удаление в пространстве, а удаление во времени. Быть может, для Марра это удаление и сейчас еще недостаточное. Хотя и прошло уже 25 лет, эти годы не были и не могли быть годами спокойного изучения и объективной оценки его научного наследия. Первые 15 лет имело место искусственное раздувание его авторитета и полуадминистративное насаждение его теорий с целью создания им монопольного положения в нашей науке. В последующие годы — после дискуссии 1950 г. — ударились в другую крайность: начисто вычеркнули Марра, точно его и не существовало.

Участники минувших схваток не вполне оправились от полученных травм и все еще, время от времени, восклицают подобно гейневскому гренадеру: «Wie brennt meine alte Wunde!». Для того чтобы посмотреть на события столь недавнего прошлого с высоты птичьего полета, нужна более значительная доля «олимпизма», чем та, которая отпущена простому смертному. Все же вспомнить о Марре и его научном пути необходимо — пусть и без должного «олимпизма». Забывать свое прошлое не следует, хотя бы для того, чтобы лучше понять и извлечь необходимые уроки для настоящего.

*

Николай Яковлевич Марр родился в 1864 г. в г. Кутаиси в Западной Грузии. Отец его Яков Марр был родом шотландец, мать — грузинка. Среднее образование Н. Я. Марр получил в Кутаисской классической гимназии, которую окончил с золотой медалью. В аттестате зрелости особо были отмечены его «отличные способности к языкознанию».

* В связи с 25-летием со дня смерти известного советского ученого акад. Н. Я. Марра редакция журнала обратилась к В. И. Абаеву с просьбой изложить свой взгляд на деятельность и жизнь Н. Я. Марра. — *Ред.*

В 1884 г. Н. Я. Марр поступил на факультет восточных языков Петербургского университета. Круг его научных интересов был с самого начала очень широк. Он усердно занимался грузинским, армянским, семитическими и иранскими языками. Непосредственной его целью на первых порах было изучение языка и культуры родного ему грузинского народа. Но атмосфера восточного факультета с его исключительно широким в то время ориенталистским профилем и многосторонними интересами толкала на расширение исследовательских горизонтов. Да и сам Марр был не такого склада человек, чтобы долго довольствоваться узко грузинской проблематикой. Рамки Грузии вскоре оказались тесны для Марра. Его научная биография — неукротимое и жадное расширение материала и проблематики исследовательской работы. Грузинский язык, армяно-грузинская филология, яфетическое языкознание, учение о языке «в мировом масштабе» — таковы основные этапы этой неудержимой научной экспансии.

Окончив блестяще курс, Н. Я. Марр остался при университете ввиду вполне определившегося призвания к исследовательской работе. Осенью 1891 г. он был утвержден приват-доцентом. С тех пор и до последних дней, т. е. свыше 40 лет, продолжалась преподавательская деятельность Марра в Петербургском (потом Петроградском, потом Ленинградском) университете.

Конец XIX в. и начало XX в. — замечательные страницы в истории русского востоковедения. В Петербурге расцвела в этот период ориенталистическая школа мирового значения, представленная целой плеядой выдающихся ученых: тюрколог В. В. Радлов, арабист В. Р. Розен, индологи С. Ф. Ольденбург и Ф. И. Щербатской, иранисты К. Г. Залеман и В. А. Жуковский, востоковед исключительно широкого диапазона В. В. Бартольд, семитолог П. К. Коковцов, египтолог Б. А. Тураев; позднее, со второго десятилетия XX в. — китаист В. М. Алексеев, арабист И. Ю. Крачковский, монголист Б. Я. Владимирцов. Это была своего рода «могучая кучка» русского востоковедения. Они все были очень разные по творческой индивидуальности, по характеру и темпераменту. Но было у них и нечто общее: широта научного кругозора, необъятная эрудиция, превосходное владение первоисточниками. Каждый из них представлял такую глыбу знаний, которая редко повторяется дважды.

В этом славном созвездии Марр засиял звездой первой величины. Выполненные им исследования и издания грузинских и армянских памятников¹ были признаны образцовыми.

Н. Я. Марр создал, в сущности, новую отрасль кавказоведения: армяно-грузинскую филологию, понимаемую не как простая сумма армянской и грузинской филологии, а как единая дисциплина, основанная на цельной исторической концепции об исконном культурном единстве и непрерывном взаимодействии двух древних христианских народов Закавказья. Прав Г. Фогт, когда он пишет: «Если Броссе справедливо считается основателем армяно-грузинской филологии, то именно Марр поднял ее на уровень филологии классической»².

В январе 1909 г. Марр был избран в Академию наук. Выдвинувшие его кандидатуру академики, в числе их С. Ф. Ольденбург, К. Г. Залеман, В. В. Радлов, В. В. Латышев, П. К. Коковцов, в своей записке характеризовали Марра как новатора в области армяно-грузинской филологии. «Следует считать одной из крупнейших научных заслуг Н. Я. Мар-

¹ См. Н. Я. Марр, Сборники притч Вардана. Материалы к истории средневековой армянской литературы, СПб., ч. I — Исследование, 1899, ч. II — Текст, 1894, ч. III — Приложения, 1894; «Ипполит, Толкование песни песней. Исследовал, перевел и издал Н. Марр», СПб., 1901 («Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», кн. III); «Георгий Мерчул, Житие св. Григория Хандзтийского. Введение, издание, перевод Н. Марра», СПб., 1911.

² H. V o g t, La parenté des langues caucasiqnes, «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», bd. XII, Oslo, 1942, стр. 257.

ра, что он своими работами сделал невозможным признание в области армяно- и грузиноведения научного значения за работами старого типа»³. Высокую оценку получили также проводившиеся Марром археологические раскопки в древней столице Армении — Ани, давшие «поразительные по богатству материалы». Гораздо более сдержанно — всего в паре строк — характеризовались лингвистические работы Марра: его «Грамматика древнеармянского языка» (СПб., 1903) и «Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка (с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими)» (СПб., 1908).

Теория о родстве грузинского языка с семитическими, которую Н. Я. Марр упорно вынашивал еще со студенческих лет, оказалась мертворожденным младенцем. Никакого развития и применения она не получила ни в грузинском, ни в семитическом языкознании. Между тем научные интересы самого Марра все более перемещались именно в сторону лингвистики. Работы его в этой области с самого начала были очень неровными. Наряду с бесспорными достоинствами и прочными завоеваниями были досадные срывы и неудачи.

Весьма плодотворными были исследования Н. Я. Марра о скрещенном характере армянского языка (серия «Яфетические элементы в языках Армении»⁴ и другие статьи). Марр устанавливает, «что в армянском языке мы не имеем чистого, точнее — цельного представителя индоевропейской семьи языков», что в нем «имеется слой, противоборствующий арийскому, иногда перевешивающий его» и что «этот коренной слой... есть пережиток языка первоначальных жителей Армении»⁵. Хотя многие этимологии армянских слов, предложенные Марром, несомненно, ошибочны (*arc'at* «серебро», *margarey* «пророк», *beran* «рот» и др.), основной его вывод, что армянский язык формировался на мощном неиндоевропейском субстрате, полностью сохраняет и сейчас свое значение, несмотря на ряд попыток его оспорить.

Теория субстрата и скрещения целиком оправдала себя и в применении к некоторым другим языкам Кавказа, например к сванскому, осетинскому. Разумеется, не Марр был создателем теории субстрата. Эту заслугу следует приписать скорее всего итальянскому лингвисту Г. Асколи (1829—1907). Г. Шухардт, П. Кречмер, А. Мейе, Г. Гирт, Ю. Покорный и др. в широких размерах допускали влияние субстрата и смешения на образование тех или иных индоевропейских языков. Но в лингвистических концепциях Марра языковое «скрещение» играет особенно важную роль как своего рода универсальный глоттогонический принцип. Поэтому в известной степени прав Г. Аренс, автор новейшей истории языкознания, когда учение Марра он излагает в разделе «Substratforschung»⁶.

Однако самая универсализация идеи языкового скрещения таила в себе опасность, которая не замедлила вскоре обнаружиться. Когда Н. Я. Марр восстал против односторонней трактовки армянского языка в аспекте только его индоевропейской природы, он был во всеоружии фактов — многочисленных, точных и, в большинстве, доказательных. Но постепенно выискивание яфетических элементов во всех языках обра-

³ См. «Известия имп. Акад. наук», Серия VI, № 11, 1909, стр. 722.

⁴ Н. Я. Марр, Яфетические элементы в языках Армении, I — «Изд. имп. Акад. наук», Серия VI, № 2, 1911; II — там же, № 6, 1911; III — там же, № 8, 1912; IV — там же, № 13, 1912; V — там же, № 3, 1913; VI — там же, № 9, 1913; VII — там же, № 5, 1914; VIII — там же, № 16, 1914; IX — там же, № 4, 1916; X — там же, № 6, 1918; XI — там же, № 8, 1919.

⁵ Н. Марр, К вопросу о ближайшем родстве армянского языка с иверским, ЗВО РАО, т. XIX, вып. 1, 1909, стр. 69. Впервые эту мысль Марр высказал еще в 1899 г. во вступительной речи на защите магистерской диссертации: «В армянском языке вскрывается коренной слой, роднящий его с соседним грузинским языком».

⁶ H. Arens, Sprachwissenschaft. Der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart, München, 1955, стр. 413—422.

щается у Марра в своеобразную манию. «Яфетизмы» в германских языках, в албанском, греческом, латинском, чувашском, русском, украинском... Знание Марром всех этих языков, их истории и сравнительной грамматики не было и не могло быть таким же совершенным, как знание армянского или грузинского. Поэтому привлекаемый им скудный и случайный языковой материал подвергался произвольным манипуляциям, свободным от какого-либо научного лингвистического метода. Здесь уже не теория вырастала из фактов, а факты произвольно подгонялись под облюбованную теорию. Путь, пройденный от «яфетических элементов в языках Армении» к «яфетическим элементам в языках всего мира», — это путь постепенного отхода от точных лингвистических методов.

Трудно установить, в каком именно году, начиная с какой работы появились у Марра элементы того, что А. Мейе назвал «авантизмом». Но уже в известной работе (прочитанной в качестве доклада в 1919 г.) «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры» (Лейпциг, 1920) поражает диспропорция между обширностью и ответственностью делаемых выводов и скудостью и недоказательностью привлекаемого материала.

Следует также иметь в виду, что методы сравнительно-лингвистического анализа у Марра никогда не были удовлетворительными и отличали отсутствие настоящей школы в этой отрасли его интересов. Это сказывалось прежде всего в слишком свободном оперировании звуковыми переходами. Еще по поводу теории о родстве грузинского языка с семитическими акад. К. Г. Залеман говорил Марру: «у Вас все звуки переходят во все звуки». Неточные методы лингвистического сравнения не могли привести к точным и надежным результатам. Именно поэтому провозглашенное Марром «яфетическое языкознание» не стало подлинно научной дисциплиной, которую можно было бы поставить рядом с индоевропейским языкознанием, семитическим или урало-алтайским языкознанием. Марру не удалось научно доказать ни одного из двух основных положений: ни того, что языки, которые он объединял под названием «яфетических», действительно находятся в родстве между собой, ни того, что во множестве языков Европы и Азии действительно имеются отложения этой «яфетической речи». Ни объем, ни содержание понятия «яфетические языки» не получили у Марра четкого определения.

Вопрос о природе и родственных связях коренных языков Кавказа не впервые поставлен Марром. Этот вопрос занимал еще Ф. Боппа. Высказывались догадки о родстве этих языков с баскским и с некоторыми древними языками Передней Азии: урартским, эламским, шумерским, хурритским, протохаттским и др. Но сейчас мы далеки еще от решения этого вопроса. Не видно пока даже наметок, эскиза сравнительной грамматики этих языков. Больше того, родство самих кавказских языков между собой, т. е. южных (картвельских); с северными и северо-восточными (дагестано-вейнахских) с северо-западными (абхазо-адыгскими) нуждается в тщательном сравнительно-фонетическом, морфологическом, лексикологическом обосновании. Марр не продвинул существенным образом решения этих проблем.

Наклеивая на те или иные языки ярлык «яфетических», он руководствовался не какими-нибудь ясно осознанными и четко сформулированными лингвистическими признаками, а (по его собственному выражению) принципом — «что плохо лежит», т. е. что не отнесено ни к одной из известных языковых семей. Но этот по сути дела негативный принцип не имеет ничего общего с научно-лингвистическим определением генетических связей языка. Впечатление слабой аргументированности и произвольности от построений Марра все более возрастает, по мере того как ученый все дальше отходит от той области, где он был суверенным хозяином: грузинской и армянской филологии. Если там все строилось на фактическом материале, то с течением времени мы все меньше видим упря-

мых фактов и все больше — упрямого автора. Неудивительно, что исследователи, которые одновременно с Марром или после него занимались сравнительным изучением кавказских («иберийско-кавказских») языков, не могли опереться в работах Марра на что-либо прочное и солидное, кроме, может быть, отдельных удачных лексико-семантических сопоставлений. Работы таких зарубежных кавказоведов-компаративистов, как Г. Детерс, Н. С. Трубецкой, Ж. Дюмезиль, А. Соммерфельдт, Р. Лафон и др., а также советских кавказоведов дали много ценного, но это ценное было добыто не в русле построений Марра, а в стороне и независимо от них.

Между тем самого Н. Я. Марра внутренняя логика его «яфетидологических» спекуляций увлекала все дальше в сторону общелингвистических проблем. Здесь мы вступаем в последний и поистине драматический этап научной биографии Марра — в полосу превращения «яфетического языкознания» в «яфетическую теорию», или «новое учение о языке». Яфетическая теория не была естественным, логическим развитием яфетического языкознания предшествующего этапа. Она была скорее форсированной попыткой выбраться из лабиринта «яфетических элементов» на широкий простор общелингвистических концепций с использованием некоторых слишком упрощенно понятых положений марксизма.

Мы уже говорили о той опасности, какую таила в себе универсализация «яфетического субстрата». Пока «яфетическое языкознание» было прикреплено к Кавказу как к своей исторической и материальной базе, была возможна конкретно историческая и этнологическая интерпретация лингвистических фактов. Действительно, в этот период понятия языка и этноса у Марра тесно связаны. Он постоянно говорит не только о яфетических языках, но и о яфетических племенах, их передвижениях и пр. По мере того как яфетические элементы «вскрывались» все в большем количестве языков на самых различных и отдаленных друг от друга территориях, под конец — на всех континентах, историческое и этнологическое истолкование этих «элементов» становилось все труднее, так как пришлось бы допускать такие миграции этнических масс, которые лежат за пределами исторического вероятия.

Так созревала новая концепция, согласно которой яфетические языки — это не особая этнически и генетически характеризованная группа или семья, а особое состояние, особый этап, или стадия, в развитии всех языков. Через эту стадию прошли будто бы языки, которые ныне известны нам как индоевропейские, семитические, урало-алтайские и др. Эта идея стала зерном «нового учения о языке». Не будет поэтому ошибкой сказать, что «новое учение» родилось как попытка выхода из непреодолимых трудностей, с которыми столкнулось «яфетическое языкознание» предшествующего периода.

Превращение яфетического языкознания в общее учение о языке было постепенным. Но все же 1924 г. можно считать тем рубежом, начиная с которого Н. Я. Марр все решительнее выступает не как специалист по определенной группе языков, а как лингвист-теоретик, претендующий на построение цельной концепции теории и истории языка. Еще в 1923 г. Марр мирился с выходом в немецком переводе своей работы «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент...», где «яфетическое» мыслится пока как этническое, а не стадийное⁷.

Элементы, из которых складывалось «новое учение о языке», были разнородны и во многом противоречивы. Некоторые идеи были унаследованы от предшествующих этапов лингвистических изысканий Марра. Такова была идея об исключительной роли скрещения в истории языков. Через всю научную биографию Марра, начиная со студенческих лет,

⁷ N. Marr, *Der japhetische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur*, Berlin — Stuttgart — Leipzig, 1923.

проходит еще одна сквозная тема: критика так называемого «индоевропеизма». Эта тема полностью сохранила свое значение и в «новом учении». Но теперь она приняла иной, более общий и принципиальный характер. Если раньше «индоевропеистика» обвинялась в том, что она неверно освещает историю одного конкретного языка, именно армянского, то теперь в вину ей ставилось то, что она дает неправильное представление об истории языков вообще.

Главной мишенью нападков Н. Я. Марра стал «праязык», т. е. возведение родственных языков к одному первоначальному языку, результатом дифференциации которого они, предполагается, являются. По Марру, родство между языками возникает в процессе схождения, сближения и смешения первоначально разнородных языков. Общий закон развития языков — не от единства к множеству, а от множества к единству.

Мы не будем вдаваться в оценку позиции Марра в этом вопросе. Нам представляется, что концепция праязыка, или языка-основы, будучи неоспоримой для таких групп, как романские языки, славянские, иранские, индо-арийские, сохраняет свое значение и для более крупных объединений, как индоевропейская семья, семитическая, тюркская, угро-финская и др. Следует, однако, отметить, что критическое отношение к теории праязыка проявлял уже И. А. Бодуэн де-Куртене, ведущий представитель теоретического языкознания в Петербургском университете.

Как бы то ни было, в критике Марром «индоевропеистики» было на первых порах определенное здоровое зерно, роднящее его с таким корифеем лингвистического «диссидентства», как Г. Шухардт. Но постепенно эта критика становилась все более поверхностной, демагогичной, ненаучной. Роковую роль сыграло здесь то, что Марр, как правильно заметил И. В. Сталин, желая стать марксистом, в действительности не стал им. Механически перенося в область языка и языкознания понятия классов, классовой борьбы и пр., он стал огульно клеймить сравнительно-историческое языкознание как «буржуазное», «расистское», «колониалистское» и т. п. При этом он все меньше утруждал себя доказательствами и все больше переходил на декларативный стиль. В этом отношении характерна статья «Индоевропейские языки Средиземноморья» (1924), где Марр всерьез воюет против совершенно вздорной теории, будто индоевропейская семья — «расово отличная», и заявляет, что эта семья языков «типологически есть создание новых хозяйственно-общественных условий»⁸. А ведь эта пустая декларация, в которой нет ни одного аргументированного положения, некоторыми последователями Марра усиленно рекламировалась как статья, произведшая переворот в науке и открывшая какую-то новую эру!⁹

Справедливости ради следует сказать, что в рекламировании марровских теорий как марксистских меньше всего повинен сам Марр. В этом усердствовали главным образом некоторые люди из его окружения. Марр не избегал участия многих больших ученых, которые бываюи окружены посредственностями, использующими авторитет и влияние ученого в интересах своей маленькой «карьеры». Они наклеивали на Н. Я. Марра ярлык «стихийного марксиста» и всячески толкали его на то, чтобы он вел себя сообразно этому ярлыку. Никто так не повредил Марру, как именно подобные люди. Они подхватывали и возводили в догму его любое, часто непродуманное и научно не доказанное положение, объявляли такое положение марксистским и на этом основании требовали безоговорочного признания последнего. Именно эти «марксисты» несут

⁸ Н. Я. Марр, Избр. работы, т. I, Л., 1933, стр. 185.

⁹ Так, В. А. Миханкова утверждала, будто статья «Индоевропейские языки Средиземноморья» «совершенно перевернула науку о языке» (В. А. Миханкова, Н. Я. Марр. Очерк его жизни и научной деятельности, 3-е изд., М.—Л., 1949, стр. 340).

главную ответственность за тот недопустимый в науке режим подавления инакомыслящих, который составляет темную страницу «марровского» периода нашего языкознания.

Нет ничего легче, чем показать несостоятельность лингвистических построений и методов Марра в последний период его деятельности; но в то же время было бы неправильно и стать на путь огульного зачеркивания всего, что им было за это время сделано. Прежде всего следует различать две вещи: постановку проблем, с одной стороны, и методы их разрешения, с другой. В постановке проблем Марр обладал поразительно верным чутьем большого ученого, тронутого дыханием революционной эпохи. Наследие Марра принято расчленять на филологическое, лингвистическое и археологическое. Но глубочайшая сущность этого ученого состояла в том, что он не был, строго говоря, ни филологом, ни лингвистом, ни археологом, а был прежде всего историком культуры в самом полном и широком значении этого слова. В этом были его сила и превосходство. Отсюда характерная для него на протяжении всей жизни способность всякий частный вопрос — лингвистический, филологический, археологический — ставить широко, комплексно, в контексте всей культурной истории народа. Эта способность, счастливо оплодотворенная новыми идеями советского времени, и была источником безошибочного чутья в постановке действительно больших, действительно важных для советской науки проблем. Именно здесь, нам кажется, разгадка той популярности, которую снискал Марр среди широких кругов советской интеллигенции. Никак нельзя согласиться, что эта популярность — исключительно результат полуадминистративного давления его сподвижников. В слабости лингвистических методов и приемов Марра не все могли разобраться, но все чувствовали, что вопросы, которые он ставит — о языке и мышлении, о происхождении языка, о связи языка с историей и др. — действительно важнейшие, фундаментальнейшие вопросы советского языкознания.

Н. Я. Марр был тем, что называют «беспокойное сердце». Он находился в постоянном творческом горении, в неутомимых исканиях, был щедрым и неистощимым сеятелем идей. Думаю, что именно это обстоятельство в соединении с огромной эрудицией, широтой кругозора и разнообразием научных интересов влекло к нему людей и сделало его центром притяжения для многих, не только начинающих научных работников, но и зрелых ученых, не только лингвистов, но и археологов, историков, этнологов, фольклористов — всех, кто, как и Марр, был заражен «бациллой» беспокойства, не довольствовался традиционными взглядами и догмами и верил, что для общественных наук, одной из которых является языкознание, открылась новая эра.

Полностью соответствовал духу советской науки и тот могучий заряд а н т и ф о р м а л и з м а, который несли в себе работы Марра. Отрыв формы от содержания, знака от значимого — это то, чего никогда не терпел Марр. Известно, что здесь он заходил нередко слишком далеко, пытаясь вскрыть «социальное» содержание заведомо формальных категорий. Но сейчас, когда одна из весьма влиятельных на западе лингвистических школ склонна вовсе выбросить понятие значения из языкознания, хочется подчеркнуть, что, выдвигая на первый план з н а ч е н и е, Марр находился целиком в русле советского научного мировоззрения.

Если проблематика Марра и общее направление его исследовательских устремлений и отражали по-своему боевой дух и революционный размах советской эпохи, выдвигая языкознание на первое место в ряду наук о человеческой культуре, то мало отрадного может быть сказано о некоторых основных положениях созданного им «нового учения о языке» и в особенности о методах его обращения с лингвистическим материалом.

Краеугольным камнем «нового учения» стал, как известно, тезис,

что язык есть идеологическая надстройка. Так именно был осознан Марром факт познавательной функции языка, связи языка с мышлением; так было понято известное положение: «язык есть практическое действенное сознание». При этом далеко на второй план был отодвинут факт коммуникативной функции языка. К этому следует добавить, что и само понятие «идеологической надстройки» толковалось Марром весьма прямолинейно и упрощенно-социологически. Марр утверждал, что «язык во всем своем составе есть... отображение не только его [человеческого коллектива. — В. А.] мышления, но и его общественного строя и хозяйства»¹⁰.

Из представления о языке как идеологической надстройке был сделан ряд выводов, на основании которых Н. Я. Марр выдвинул:

1. Учение о стадиальности. Раз язык на протяжении своего развития — от возникновения до нашего времени отражает смену хозяйственных и общественных форм, то в этом развитии также можно выявить смену одних типов или стадий другими. «...Так называемые семьи языков... представляют различные системы, отвечающие различным типам хозяйства и общественности, и в процессе смены одной культуры другой одна система языков преобразалась в другую»¹¹.

2. Учение о единстве глоттогонического процесса. Поскольку в общественном развитии повсюду наблюдаются одни и те же закономерности, в силу которых на смену одним формациям приходят другие (первобытно-общинный строй, рабовладельческий, феодальный и т. д.), в развитии языка должно наблюдаться повсюду такое же закономерное чередование; иначе говоря, глоттогонический процесс — един.

3. Учение о классовости языка. Поскольку всякой идеологической надстройке присуща классовая сущность, язык, будучи такой надстройкой, также является классовым.

Все эти положения ошибочны в той мере, в какой они не считаются с двойственной природой и функцией языка: как орудия мысли и познания, с одной стороны, и как орудия коммуникации, с другой.

Утверждая классовость языка, Марр принял за основное то, что на деле является весьма второстепенным: известные отражения в языке классовых отношений Марр принял не за то, чем они являются в действительности, т. е. не за особенность речевой практики в сфере социальных жаргонов, а за самое существо языка, за его природу.

Идея «стадиальности» имеет в себе на первый взгляд что-то притягательное. Мысль, что в развитии языка (language) должны быть некоторые общие закономерности, отражающие закономерности развития культуры и социальных институтов, кажется в основе своей правильной. Однако реальное распределение языков на земном шаре в прошлом и настоящем не подтверждает этой теоретически мыслимой картины. Сплошь и рядом мы видим, что народы, имеющие сходную культуру и сходный общественный строй, говорят на языках совсем разного типа, и обратно — сходные по типу языки принадлежат народам, находящимся на разных ступенях культурного и общественного развития. К давно известным фактам этого рода следует присоединить теперь картину распределения языков аборигенов американского континента. Говоря о значении американистики для общего языкознания, Э. Сепир особо подчеркивает, что изучение американских (индейских) языков не подтвердило тезиса о соотносимости языковых типов с культурными. При значительном единообразии типа культуры аборигенов американского континента наблюдается крайнее многообразие языковых (точнее — морфологических) типов. На материале американских языков Сепир приходит к выводу, что форма языка не зависит

¹⁰ Н. Я. Марр, Избр. работы, т. II, Л., 1936, стр. 70.

¹¹ Там же, стр. 72.

от уровня культуры и общественного строя. Зато содержание языка, т. е. объем и характер выражаемых в нем понятий и отношений, может дать представление о бытии народа, его социальном уровне, его материальной и духовной культуре¹². Но «содержание» языка — это прежде всего его лексико-семантическая система. Только здесь и можно говорить о каких-то стадиях. Сам Н. Я. Марр хорошо это сознавал и, хотя на словах отстаивал положение о надстроечной природе всего строя языка, на деле оперировал по преимуществу лексико-семантическими фактами. Много из того, что им сделано в этой области, сохранит свое значение, в особенности для картвельских и армянского языков. Составители этимологических словарей этих языков не пройдут мимо работ Марра, где наряду с сомнительными и фантастическими есть немало остроумнейших сопоставлений и разъяснений. В частности, своеобразие семантических связей на ранних этапах развития общества и языка подтверждается новейшими данными по австралийским и американским языкам. Мы не ошибемся, если скажем, что когда историко-сравнительная семиология поднимется на уровень подлинной науки (сейчас об этом не приходится пока говорить), она придет — в той или иной форме — к идее стадильности и признает правильность многого из того, что найдено Марром. Это касается в особенности того периода лексико-семантических изысканий Марра, когда он еще твердо держался почвы Кавказа и считался с фонетическими закономерностями конкретных языков.

Иной стала картина, когда Марр перешел на так называемый «элементный» анализ, т. е. когда он выдвинул положение о четырех первичных элементах языка — пресловутых *sal, ber, yon, roš*. Самая идея, что при возникновении звуковой речи первичных звуковых комплексов было ограниченное количество, не включает ничего порочного. Такую идею можно понять и даже принять (разумеется, как гипотезу). Если на первых порах человеческие коллективы располагали не четырьмя даже, а всего лишь двумя дифференцированными и противопоставленными друг другу звуковыми комплексами, этого уже достаточно, чтобы говорить о зачатках звуковой речи. Устрашающим у Марра является не сама идея четырех элементов, а то, как он ими оперировал. Верить, что первичные звуковые комплексы дошли до нас через десятки тысячелетий и могут быть нами распознаны в каждом слове и служить основой всякого этимологического анализа — это такое забвение фактора времени, такая утрата исторической перспективы, которым трудно подыскать оправдание. «Элементный анализ» родился из страстного желания сразу, одним приемом перекинуть мост от начальных этапов речи до современности. Задача была нереальная, нереальным стал и результат. Историзм, за который ратовал Марр, обратился в «палеонтологическом» элементном анализе в свою противоположность — в антиисторизм.

Нельзя сказать, чтобы сам Н. Я. Марр не сознавал слабых сторон своих теорий. Он был своим самым беспощадным критиком и в последний период жизни не раз в печати и в частных беседах очень сурово, чтобы не сказать пессимистически, отзывался о созданном им «новом учении» и его перспективах. В предисловии к сборнику своих статей «По этапам развития яфетической теории» (М. — Л., 1926) он называет этот сборник «„букетом“ из павших листьев, уже завядших». Несчастье его было в том, что как объективные условия, жизни и работы, так и личные особенности его научного темперамента не давали ему возможности спокойно и взыскательно разобраться в бурном потоке захвативших его идей и отделить в них подлинно научное, достоверное и прочное от сомнительного, легковесного и ненадежного.

В его научных построениях последнего периода синтез решительно

¹² См. E. Sapir, The relation of American linguistics to general linguistics, «Southwestern journal of anthropology», vol. 3, № 1, 1947, стр. 3 (The University of New Mexico Press).

преобладал над анализом, обобщения — над фактами. Но на одних обобщениях, без опоры на факты наука, по образному сравнению И. П. Павлова, так же не может воспарить, как не могла бы воспарить птица, если бы ее крылья не имели опоры в воздухе. Лихорадочная смена одних построений другими происходила у Марра не под натиском фактов, а в силу внутреннего самодвижения захвативших его идей. Такой путь мог привести только к научной катастрофе.

И все же при всех ошибках и увлечениях Н. Я. Марр остается одной из ярких фигур русской и советской науки. Не только филологические и археологические труды, ценность которых никто не оспаривает, но и увлечения периода «нового учения о языке» говорят о сильной и незаурядной научной индивидуальности. На всем протяжении своей научной деятельности он был прежде всего творческой натурой. Это качество приходится особенно ценить, потому что оно встречается среди дипломированных ученых не слишком часто.

Понять Н. Я. Марра периода «нового учения о языке» можно только в контексте революционной эпохи. Вся его деятельность в этот период вытекала из искреннего и горячего желания послужить на своем участке делу революционного преобразования жизни и науки. Его борьба с «индоевропеистикой», кажущаяся сейчас чем-то донкихотским, вдохновлялась правильной в своей основе мыслью, что советское теоретическое языкознание должно идти своим самостоятельным путем, а не быть бледной тенью зарубежных теорий, порожденных иной общественностью. Его претензии на учение о языке «в мировом масштабе» отражали по-своему мировой масштаб происходивших в СССР событий.

Н. Я. Марр принадлежал к тем лучшим представителям старой интеллигенции, которые с первых дней революции стояли лицом, а не спиной к ней. Он живо сознавал, что новая общественность, которая создается в России, требует влить новое содержание во все общественные науки, в том числе и в языкознание. Этой задаче он и отдался со всей энергией и страстностью своей натуры. К сожалению, на этом пути он допустил ряд серьезных ошибок.

Как же объяснить, что такой сильный интеллект мог стать жертвой грубых ошибок и заблуждений? Мозговую работу ученого можно представлять как постоянное сосуществование, функционирование и взаимодействие двух центров: одного, в котором рождаются идеи (творческий центр), и другого, в котором эти идеи подвергаются строгой критической проверке, контролю, селекции (центр торможения). Оба они одинаково важны и необходимы для настоящего ученого. Когда оба эти центра работают на высшем уровне, мы получаем ученых, открывающих новые пути в науке, как Дарвин, Маркс, Менделеев, Павлов.

Бывает, что творческий центр пребывает в немощном состоянии, и работает по преимуществу центр торможения. Тогда мы получаем тип ученого-крохобора, выпускающего труды, где не к чему придраться, но нечем и вдохновиться. Таких ученых часто хвалят за «осторожность». Но к концу их серой и скучной карьеры выясняется, что ничего, кроме этой «осторожности», у них за душой не было.

Марр был ученым диаметрально противоположного склада. Трагедия последнего периода его деятельности состояла в том, что творческий центр работал у него с силой постоянно действующего вулкана, а центр торможения все более ослабевал. Чем больше возрастал напор новых идей, рождавшихся в его мозгу, тем больше он утрачивал способность подвергать эти идеи критическому разбору. Вероятно, «осторожные» крохоборы, не совершающие ошибок, тоже нужны в науке, как нужен балласт для аэростата, слишком стремительно рвущегося ввысь. Но в перспективе времени мятежные творческие натуры, как Марр, со всеми их ошибками, займут более высокое место в истории науки.